



# ТАЗЕТА ШЕБУЕВА

№ 27 СОДЕРЖАНИЕ:

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ Н. ШЕБУЕВА.— СКАЗОЧКА О ПАРЛАМЕНТѢ. Н. ШЕБУЕВА.— О СИЛЬНЫХЪ МИРА СЕГО. ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО Г. УРСАТИ.— ПИСЬМО ЕМУ ЖЕ.— ИНТЕНДАНТСКІЯ МЕЛОДИИ. СОЮЗЪ ИСТИННО РУССКИХЪ ПОДРЯДЧИКОВЪ.— ВЪ ПОѢЗДѢ. ЕВГЕНІЯ ТУДЕРА.— КРАСНАЯ ШАПОЧКА. Н. ШЕБУЕВА.— УПАДОКЪ ОПЕРЫ. В. СЕНИЛОВА.— ВЕЧЕРЬ ИСПОРЧЕННЫХЪ ВЕЩЕЙ. Н. ШЕБУЕВА.— ЧЕЛОВѢЧЕСКІЕ ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМО М. А. ЛЮБАРСКОЙ-ПИСЬМЕННОЙ В. Д. БЪЛОВУ.— АСОЦИОЛОГІЯ. ОСКАРА НОРВЕЖСКАГО.— КВАРТИРОЛОГІЯ. УКЛАДКА ФЛЕГМАТИЧЕСКАЯ. Н. ШЕБУЕВА.

## ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ.

Потолокъ Государственной Думы не выдержалъ. Слишкомъ нервно Дума ждала декларации правительства. Гадала: — Чего можно ждать сверху! И вотъ... Мусоръ, балки, обшивки, штукатурка, щепки... — Вотъ все, чего можно было ждать сверху!... Декларация правительства... Русское общество теперь знаетъ уже три такихъ декларации; 1) Ходынка. 2) Цусима. 3) 2 марта 1907 г. Н. ШЕБУЕВЪ.

## СКАЗОЧКА О ПАРЛАМЕНТѢ И РАЧЕМЪ ТЕМПЕРАМЕНТѢ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, да не въ нашемъ государствѣ, задумалъ Левъ созвать Парламентъ. И запало ему въ голову такимъ образомъ самый парламентъ сварганить, чтобы въ немъ всѣ звѣрины сословія на скамеечкахъ засѣдали и въ кулуарахъ кулурари. Назначилъ Левъ выборы. — Чтобы выборы были первостатейные, не какіе нибудь кривые, или немѣющіе чина, а прямые, дѣйствительные тайные, — словомъ, какъ въ первыхъ домахъ. Начались выборы. Глядитъ Левъ: — Что за чортъ, кромѣ лебедей, шуковъ, да раковъ, никакого звѣрья въ парламентѣ не набирается. Бойкотируютъ, видятъ-ли выборы. Осель говоритъ: — Певать мнѣ на вашъ парламентъ. У меня и безъ того уши длинные. Корова говоритъ: — Ну васъ... Свяжешься съ парламентомъ, чего добраго молоко потеряешь. Карась говоритъ: — Люблю я, чтобы меня ѣли въ сметанѣ, а до всего прочаго мнѣ дѣла нѣтъ. Быкъ говоритъ: — Не пойду. Страсть не люблю краснаго! Кукушка говоритъ: — Ку-ку... Не долго проживетъ вашъ парламентъ! Ку-ку!.. И слава Богу... А не то онъ, пожалуй, запретилъ-бы мнѣ нести яйца въ чужія пѣзда... Слонъ говоритъ: — У меня и безъ парламента толстая кожа! На кой чортъ мнѣ парламентъ. Даже лягушки, и тѣ парламентъ бойкотировали! — Ква! Ква! Ква!.. Все равно погода въ нашихъ рукахъ!.. Что мы на митингѣ

порѣшимъ, то и сбудется! Ква! Ква! Ква!.. Быть грозѣ! Быть грозѣ! У крота собственная аграрная программа оказалась: — Для того, чтобы рѣшить аграрный вопросъ, надо такъ сродниться съ землею, какъ мы!.. И необходимо быть такими же слѣпыми, какъ мы!.. А вашъ зрячий парламентъ... тьфу!.. Земля должна принадлежать слѣпымъ!.. Не бойкотировали парламентъ только лебеди, шуки и раки. Лебеди, — потому что они рвутся въ облака и всегда летятъ на встрѣчу всему новому. Шуки, — потому что онѣ при всякомъ режимѣ чувствуютъ себя одинаково хорошо. Особенно лакомымъ явленіемъ казались имъ митинги карасей-конституционалистовъ. Но особенно охотно шли раки. Всякое дѣйствіе рождаетъ противодѣйствіе. И вотъ раки сплотились, чтобы противодѣйствовать лебедемъ. Поглядѣлъ Левъ на свой парламентъ и рѣшилъ: — А вѣдь у насъ что-то вполнѣ чешское получились: шуки — центръ, лебеди — напредники, а раки — назадники. Словомъ, всѣ партіи, какъ въ первыхъ домахъ... Парламентъ хоть куда!.. И началъ парламентъ функционировать. Функционировать, функционировать, такъ ничего и не выфункционировало. Лебедь рвется въ облака, да такъ основательно, что чуть было за собой въ облака околотоchnого не уволокъ. Ракъ пятится назадъ, на мель. А шука тянетъ глубже въ омутъ. А такъ какъ по природѣ своей и лебеди, и шуки, и раки больше любители воды, то такую они сырость отъ своихъ рѣчей въ странѣ поразвели, что житья не стало. У того — флюсь справа, у другого — слѣва, того треплетъ инфлуэнца, четвертаго — зубы одолѣли. Всѣ музыкальные инструменты отъ сырости разбухли и попортились, такъ что въ трактирахъ музыкантамъ расчетъ дали. Граммофоны и тѣ вмѣсто пѣсень кашляютъ. Но въ особенности на населеніе флюсь напалъ. И такой флюсь, что не было отъ него спасенія. У всѣхъ перебивалъ. Разница только справа или слѣва. И вотъ по этому поводу между населеніемъ страшный разладъ пошелъ: — У него, говоритъ, флюсь на правой щекѣ и я съ такимъ субъектомъ ничего общаго имѣть не желаю. — А у него флюсь на лѣвой щекѣ!.. Певать я на такихъ хочу!.. — Тьфу! Лѣвша! — Тьфу! Правша! — А ты, милъ человекъ, не больно забывайся... Не ровенъ часъ въ участкѣ очутишься... Тамъ тебѣ такую правшу покажутъ, что...

И чѣмъ бы, казалось, виновать обыватель, что ему флюсь надуло справа, а не слѣва, или слѣва, а не справа! А то есть и такіе, которымъ флюсь и справа и слѣва надуло, — такъ тѣхъ ругаютъ и справа и слѣва!.. Житія никому ни отъ кого нѣтъ. И сильно вздорожали веревки. Пробоваль было Левъ циркулярами вслѣе флюсь воспрещать, — ничего не помогать. Пробоваль давать разрѣшенія только на правые флюсы. Отъ этого расплодилось въ странѣ конспиративныхъ флюсовъ видимо невидимо, — и большевики, и меньшевики, и достиженцы и постиженцы, и нутряки, и чортъ его знаетъ еще какіе флюсовики. Пробоваль судомъ — тюрьмой жигануть, — законы къ флюсамъ приспособилъ. Веревки наладилъ.

Мудрецовъ призывалъ: — Такъ и такъ, скажите, люди мудрые, какимъ путемъ-средствіемъ этого самого флюса извести. Думали мудрецы, думали: — Никакъ, говорятъ, этого не слѣдуетъ. Больно ужъ въ сторонѣ вѣтра сквознаго много развелось. — Съ чего-бы это вѣтру сквозному появиться. Жили-были мы всегда острожно. Окна — форточки на запорѣ. Дверей безъ нужды не расхлебывали. — А какъ въ странѣ сквозному вѣтру и не явиться, говорятъ мудрецы, — открыли сперва сѣверный полюсъ, потомъ южный!.. Вотъ и дуетъ. И задумался тутъ Левъ и говорить: — Такъ ежели полюсы уничтожить, и флюсь пропадетъ? — Какъ рукой сниметъ. Потому воз



— Какъ далеко отошелъ Леонидъ Андреевъ отъ русской жизни въ своей «Жизни Человѣка». А между тѣмъ какъ легко было бы придать русскія національныя черты этой пѣснѣ. У него и въ прологѣ и въ эпилогѣ, и во всѣхъ пяти дѣйствіяхъ Человѣка безотлучно сопутствуетъ Нѣкто въ сѣромъ... Если бы человѣкъ былъ русскимъ человѣкомъ, ему сопутствовалъ бы Нѣкто, но не въ сѣромъ, а... — Нѣкто въ синемъ!.. — Или даже Нѣкто въ гороховомъ!..



сь меня все таки удержали. Не желая почитать пристрастия и добровольно жертвовать больше тысячи рублей, я всю эту историю перепел Оренбургскому прижному повренному Я. Д. Горчакову, который без труда доказав суду всю неосновательность удержаний выиграл это дело и Управлению нужно было уже уплатить мнѣ причитающуюся сумму до 1300 руб. Но тут является на сцену услужливый оперативный юриконсульт Управления печальный герой, не менѣе печального инцидента съ г. Ильинскимъ г. Кремлевъ. Отстава завѣдомо неправо дело, и не смотря на всю его правоту, для того чтобы дальнѣйшимъ судпроизводствомъ обесилить истца совершено о, онъ подаетъ апелляціонную «жалобу» (обидѣ несчастныхъ горемыкъ) въ палату гдѣ дело лежитъ уже третій годъ! Спрашивается почему все это? А потому, что Его П-во нужно за «экономію» получить «благодарности» отъ Министерства Путей Сообщения. До какихъ чудовищныхъ размѣровъ доходитъ человеческое тщеславие. Для того, чтобы получить клочекъ бумаги съ выраженіемъ одобрения, Его П-во, не брезгуя и «мѣдямъ платкомъ», загоняетъ «экономію» въ 2.000.000 рублей, (исковъ 3.500.000) пускаетъ людей по миру, и пользуется услугами заржавленного флюгера «Нового Времени» кинуть на воздухъ перекресткахъ о сбереженіи «народныхъ» денегъ и громадныхъ «добродухиныхъ» пожертвованіяхъ на церкви. Укажите мнѣ Ваше П-во кто «добровольно» жертвовалъ на церковь, и откуда бралъ деньги г. Виленскій (Вашъ крестникъ бывшій еврей) получавшій 2.400 рублей жалованья и пожертвовавшій, 19.000 и я жертвую (добровольно) причитающуюся мнѣ съ Управления деньги на право ученія тѣхъ дѣтей, родители которыхъ Вы пустили въ трубу. Какъ должны Вы себя чувствовать: Ваше П-во когда я, простой смертный, сознавая свою правоту, прямо и открыто говорю Вамъ генералу «Ваше превосходительство съ такими экспроприаторскими привичками Вамъ мѣсто не въ Министерствѣ П. С. а на большой дорожѣ. Тамъ больше простора, и размаху Вашему естѣ гдѣ разойтись». Времена Ваше П-во мѣняются. Когда-то Вашъ покорнѣйшій слуга во время вашихъ рати де рѣзъ т. е. рѣшилъ побѣдѣ по дѣламъ—услужило предпринимать всѣ Ваши малѣйшія желанія, а теперь ваши горюю Вамъ «Отдайте мои деньги, если не хотите, чтобы Васъ ловили за фалды Вашего генеральскаго пальто, какъ пресловутаго Лидая!» Вѣдь поймите же Вы безсердечный человекъ, что нельзя отнимать у нищаго сумму, иначе онъ пойдетъ на преступленіе. Вы съты, одыны, отрращиваете себѣ животикъ на общественныя деньги, и ни чѣмъ не стѣнясь получаете за свою услужливость такое баснословное содержаніе, бвально рабите низшую братію.

К. Ф. Ще—въ.



ИНТЕНДАНТСКІЯ МЕЛОДИИ.

1. СОЮЗЪ ИСТИННО-РУССКИХЪ ПОДРЯДЧИКОВЪ.

Передо мной лежатъ два куска матеріи. Первый—свѣтлошоколаднаго цвѣта, плотная, приятная на оупу бумажная ткань, среднее между тѣмъ, что у дамъ называется рождокой и вафельной матеріей. Второй—темнаго землистаго цвѣта, льняная раventухъ, рѣдкій, сквозящій на свѣтъ, грубый, занозящій пальцы на оупу,—словомъ дерюга пригодная лишь на мѣшки. И вотъ эти два куска конкурируютъ между собой. И отъ того, который изъ кусковъ побѣдитъ зависитъ миллионный выпускъ того или другого синдиката подрядчиковъ. Если бы эти тряпки умѣли говорить, они рассказали бы превозмутительнѣйшія вѣсти о той вакханаліи, которая совершается искони и совершается въ наши дни вокругъ ихъ. Много десятковъ лѣтъ нашъ солдатъ получалъ бѣльевое довольствіе изъ вотъ этой грубой кростричной льняной ткани. «Дачку» эту онъ вынужденъ былъ продавать за безцѣнокъ на толкучемъ рынкѣ на мѣшки. Но на вырученныя отъ продажи деньги, онъ не имѣлъ возможности купить сносное бѣлье изъ хлопчатобумажной ткани и вѣчно нуждался въ носильномъ бѣльѣ. И въ самомъ дѣлѣ нужно видѣть что такое представляеть изъ себя этотъ рубашечный и подкладочный холстъ, нужно знать изъ какихъ суррогатовъ ткнутъ

ся они и какимъ допотопнымъ способомъ «бѣлаются», чтобы понять почему солдатъ не можетъ, физически не можетъ носить этой ткани. Это понялъ и Военный Совѣтъ. Особое совѣщаніе при Техническомъ Комитетѣ, въ которомъ участвовали представители разныхъ частей войска подъ предѣльствомъ генерала Батынова, пришелъ къ единогласному заключенію, что для носильнаго постельнаго бѣлья арміи и госпиталей пригодны только хлопчатобумажныя ткани. Такъ же Военный Совѣтъ призналъ, что рубашечный холстъ годенъ только на подкладку галстуховъ и утиральниковъ. Для ношенія же на тѣлѣ не пригоденъ вовсе, какъ раздражающій кожу, прѣвощій и гниущій отъ испаренія тѣла. И такой прѣвощій и гниущій, съ позорными, захватившихъ поставку въ свои руки, поставившихъ изъ года въ годъ сотни миллионы аршинъ по цѣнѣ отъ 7 до 8 1/4 копейкъ за аршинъ восьмивершковой ширины. Послѣ окончания Русско-Турецкой войны до 1890 года поставщиками льняныхъ тканей, какъ для арміи, такъ и для госпиталей состояли: Алафузовъ, Александръ Щербаковъ, Сергѣй Сеньковъ, Вальковъ, Ураловъ, Мельниковская мануфактура, Локаловъ и Суздальцевъ. На предвѣвнныя къ торгамъ количества льняныхъ тканей каждая изъ упомянутыхъ фирмъ торговалась на опредѣленную часть общаго количества по приблизительно одинаковымъ цѣнамъ, и все изъ года въ годъ шло мирно и ладно. Въ 1890 году къ подрядному дѣлу пристала фирма В. Ф. Демидова, въ слѣдствіе чего цѣны на торгахъ на льняную ткань сильно понизились, и мирное теченіе подрядной жизни прежнихъ предпринимателей сильно нарушилось года на два. Цѣны на каждомъ торгѣ шли все ниже и ниже. Наконецъ, и фирма Демидова уже не торгуется на производное количество, а торгуется только на одну десятую часть всего предвѣвннаго къ торгу количества и по одинаковымъ цѣнамъ съ прежними подрядчиками. Цѣны, какъ и слѣдовало ожидать, пошли въ гору, и подрядное дѣло опять мирно потекло на нѣсколько лѣтъ. Вдругъ къ этому дѣлу пристала Брюхановъ. Опять борьба на торгахъ, опять значительное пониженіе цѣны. Года черезъ два-три Брюхановъ торгуется уже только на одну десятую всего количества по одинаковымъ цѣнамъ съ бывшими его торговыми врагами, и цѣны опять стали крещендо повышаться на каждомъ торгѣ. Откуда ни возьмись, появилась на подрядномъ горизонтѣ Нижегородская Льнопрядильная Мануфактура. Опять борьба, опять на торгахъ пониженіе цѣны. И... Нижегородская мануфактура послѣ короткой борьбы стала тоже торговаться только на одну десятую часть всего количества и по одинаковымъ цѣнамъ со всѣми остальными ветеранами. Такія эволюціи происходили съ Малининымъ и съ Бруновымъ, и опять подрядное дѣло вошло въ свою старую хорошо проторенную колею, и опять «все обстоитъ благополучно». Въ настоящее время подрядчиками льняныхъ тканей состоятъ: Алафузовъ, Щербаковъ, Сеньковъ, Вальковъ, Ураловъ, Мельниковская Мануфактура, Локаловъ, Суздальцевъ, Демидовъ, Брюхановъ, Нижегородская Мануфактура, Малининъ и Бруновъ. Этотъ союзъ истинно-русскихъ подрядчиковъ имѣетъ въ интенданствѣ прочная связь. Стоитъ только посмотрѣть производства о торгахъ въ Московскомъ, Петербургскомъ и Казанскомъ Военно-Окружныхъ Совѣтахъ, чтобы воочию убѣдиться какая чудная гармонія существуетъ между этими 13 подрядчиками, какъ гуськомъ стройно эти господа идутъ другъ за другомъ! Самые торги совершаются, болѣе чѣмъ по семейному,—патриархальнѣйшимъ образомъ! Вотъ какъ рисуетъ мнѣ эту процедуру одинъ изъ бывшихъ и выдающихся виды почтенный господинъ: — Предъ каждымъ торгомъ, если онъ производится въ Петербургѣ, весь «союзъ» in corpore собирается въ домъ № 101 по Екатеринбургскому каналу. Тамъ предна-

значается, кому на какой складъ и на какое количество торговаться. На этомъ предварительномъ собраніи почти всегда, одинъ сочленъ «союза» жалуется на свою «обиду», что ему его доля мала, такъ какъ у него есть много «сродственникововъ» и «своиковъ», которымъ онъ долженъ уделить нѣкоторую часть поставки. Заявленіе это конечно вызываетъ протесты со стороны остальныхъ союзниковъ. Но «обиженный» знаетъ, когда нужно «союзу» наступить на моль и остается при своемъ неуклонномъ требованіи. Начинаются по этому поводу споры-раздоры, доходящіе иногда даже и до крѣпкихъ словечекъ. Тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ, идутъ съ «претендентомъ» на компромиссъ и дѣло, такъ или иначе, улаживается. Ну, дескать, хотя коза не совсѣмъ дѣла, но волкъ пока сытъ. Въ день торга утрюмъ весь «союзъ» опять является въ домъ № 101 съ готовыми написанными объявленіями, составленными согласно вѣршаемому рѣшенію, только безъ цѣны. Тутъ уже происходитъ совѣщаніе совершенно мирнаго характера о томъ, какія цѣны поставить въ объявленіяхъ. По единогласному рѣшенію цѣны устанавливаются и вносятся въ объявленія. Затѣмъ, когда все готово, эти объявленія передаются другъ другу для контроля: не вписали ли кто нибудь болѣе чѣмъ ему полагается. И послѣ этой послѣдней проверки наполненные объявленія кладутся въ конверты. Ихъ запечатываютъ согласно требованіямъ закона и два «союзника» отправляются въ Военно-Окружный Совѣтъ, гдѣ конверты и подаются по принадлежности. Въ Москвѣ предъ торгами такая же процедура какъ и въ Петербургѣ. Предварительное собраніе бываетъ на Пятницкой или на Остоженкѣ. Тутъ же рѣшается участь и Казанскихъ торговъ. Подобная система также получила, какъ говорятъ, полное гражданство и по отношенію торговъ на вещи изъ непромокаемой ткани и брезента. На эти предметы въ слѣдствіе ограниченія конкуренціи, такъ какъ торговаться на эти предметы допускаются только заводчики, поставщики наживають до 300 % Часто интенданство вводитъ «союзомъ» въ заблужденіе въ отношеніи цѣны на льняную ткань вообще, а на холстъ въ особенности. Курьезный эпизодъ вышелъ въ Московскомъ Военно-Окружномъ Совѣтѣ 3 ноября минувшаго 1906 г. Производились въ этотъ день торги на крашеный раventухъ или крашеную бумажную ткань и, смотря потому, что на торгѣ окажется дешевле, то интенданство и будетъ заготовлять. По прочтеніи цѣны всѣхъ соискателей оказалось, что Алафузовъ, Щербаковъ, Романовская Мануфактура и т. д. запросили за крашеный раventухъ по 32 коп. за аршинъ, а поставщики бумажной ткани запросили за крашеную хлопчатобумажную ткань отъ 28 до 30 коп. за аршинъ. Льняные поставщики увидели, что на этихъ торгахъ провалились, забили въ набатъ: «Льноводство, рабочій народъ, государственная повинности, отечественная промышленность» и т. д. И съ этими причитаніями снарядили цѣлую депутацию къ Главному Интенданту хлопотать все о томъ же рабочемъ народѣ. Наконецъ, послѣ долгихъ мытарствъ «представители льноводства въ Россіи и рабочаго народа добились назначенія

новыхъ торговъ, которые были произведены 29 декабря 1906 года. На вторыхъ торгахъ льняные поставщики вмѣсто 32 коп. заявили свои цѣны на крашеный раventухъ отъ 24 до 25 коп. за аршинъ. Такимъ образомъ въ теченіе 56 дней сами льняные подрядчики показали, къ какимъ манипуляціямъ они способны прибѣгать, лишь бы не выпустить изъ своихъ рукъ казенную поставку, хотя бы пришлось ради этого скинуть съ своихъ собственныхъ цѣнъ не болѣе не менѣе, какъ около 175000 руб. на одинъ только этихъ торгахъ. А между тѣмъ по словамъ «Торгово-Промышленной газеты», никакихъ перегибовъ на льняномъ рынкѣ съ 3 ноября до 29 декабря не произошло. Крайне непонятно и крайне загадочно, чѣмъ собственно руководствовались льняные подрядчики на первомъ и вторыхъ торгахъ, назная свои цѣны. Но какъ бы то ни было льняная дерюга побѣдила бумажную ткань. И снова на плечахъ солдата будетъ «прѣтъ и гнить» эта вотъ самая занозящая черствая тряпка. Но за то не пострадали интересы чертовой дюжины подрядчиковъ. Имъ въ жертву и принесены интересы войска, потому что интенданство, какъ это выяснилось уже давнымъ давно, есть благотворительное учрежденіе для вспомоществованія нуждающимся кулакамъ и подрядчикамъ. Въ угодъ этимъ же 13 подрядчикамъ пишетъ и нашъ офицеръ «Торгово-Промышленной Газета». Она доказываетъ, что если интенданство суманничаетъ и одѣнетъ солдата въ бумажную ткань, тогда погибнетъ льняное производство Россіи. По словамъ газеты, интенданство за послѣднее время систематически вытѣсняетъ льняную подкладочную и рубашечную ткань. Это ужасно: вѣдь льна требуется на этотъ предметъ до 800.000 пудовъ въ годъ, по 5 р. 50 к. за пудъ. А это составляетъ 4.000.400 рублей. Эти деньги интенданство хочетъ вырвать отъ крестьянъ льноводныхъ губерній! Это совершенно не вѣрно. Эти 4.000.400 рублей съ меньшими хлопотами и болѣе чистыми и скорыми деньгами льноводы получаютъ всегда изъ чужихъ странъ, отъ экспортеровъ. А кромѣ того, хлопководство уже сдѣлалось нашею родною отраслю промышленности: сотни тысячъ русскихъ подданныхъ живутъ этою все растущою промышленностью въ Феранѣ, Коканѣ, Ташкентѣ, Андижанѣ. Взгляните на наше крестьянство. Въ чемъ ходитъ оно. Въ хлопчатобумажныхъ тканяхъ. Но не въ льняной дерюгѣ. Имѣемъ ли мы право, ради призрачныхъ интересовъ «льноводовъ», ради далекихъ призрачныхъ интересовъ союза истинно-русскихъ подрядчиковъ, лишать солдата того, къ чему онъ привыкъ въ деревнѣ и надѣвать на него дерюжные вериги, которая прѣвощитъ и гниютъ и расчесываютъ до крови даже грубое мужицкое тѣло! Довольно съ солдатъ и воинской повинности, налагающей на нихъ обязанности защищать интересы казны. Избавьте ихъ отъ интендантской повинности, налагающей на нихъ обязанности защищать интересы казенныхъ подрядчиковъ!

ВЪ ПОѢЗДѢ.

Мчится поѣздъ въ даль туманную По ковру степныхъ снѣговъ. Навѣваетъ пѣсню странную, Монотонную, безъ словъ. Стукъ немолчный полъ вагонами Разбѣжавшихся колесъ. Отозвалась пѣсня стонами Въ сердцѣ, полномъ мукъ и слезъ. Поѣздъ мчится. Монотонная Пѣсня лететь безъ конца. И блуждаетъ дума сонная Борозда черты лица. Ищетъ линий полныхъ прелести

Въ чуждыхъ лицахъ и чертахъ, И знакомыхъ звуковъ въ шелестѣ Межъ чертами сонно-скупными Не найдя родныхъ, она Въ ночь сърыданьями беззвучными У замершаго окна Притаится. Въ даль туманную Мчится поѣздъ. Стукъ колесъ Навѣваетъ пѣсню странную Грусти полную и слезъ.

ЕВГЕНІЙ ТУДЕРЪ.



## КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Испекла бабушка пирожков да лепешечек и говорить:

— Снеси это, внучка, твоему отцу в город. Он сидит — второй корпус, третья галерея, камера 379. Поклонись ему от меня и скажи, что я здорова, чего и ему желаю.

Надѣла внучка свою красную шапочку, взяла кузовочек и пошла. Только вышла из деревни, а на встрѣчу ей вѣдьма Тудырга, — старая престарая, горбатая распрегорбатая.

— Куда Красная Шапочка идешь?

— В город! Къ батюшкѣ. Онъ у меня сидит во второмъ корпусѣ, въ третьей галереѣ, камера 379.

— Будешь въ тюрьмѣ, поклонись моему внуку, онъ въ первомъ корпусѣ, во второй галереѣ, камера 213.

— Ладно, бабушка. Не забуду.

— А что у тебя въ кузовочкѣ?

— Пирожки да лепешечки для батюшки. Я и твоему внучку удѣлю.

— Спасибо тебѣ, дѣвочка за доброту, за ласковость. Когда тебѣ плохо будетъ ты только крикни:

Тудырга  
Превратудырга  
Турдыгосочка,  
Пусть я буду козочка!

— Прощай бабушка. Спасибо тебѣ.

Пошла Красная Шапочка дальше. А на дорогѣ лѣсъ дремучій распродермучій.

Идетъ дѣвочка лѣсомъ.

Вдругъ навстрѣчу казакъ.

Погнался за Красной Шапочкой. Вотъ ужъ совсѣмъ облапиль. А она какъ крикнетъ:

Тудырга —  
Превратудырга  
Турдыгосочка, —  
Пусть я буду козочка!

— А казакъ и вниманія не обратилъ, что передъ нимъ коза. Надругался, натѣшилъ сколько душенькѣ хотѣлось, и потомъ поѣхалъ своей дорогой, крикнувъ:

— Скажи спасибо, что башку на плечахъ оставилъ тебѣ.

А Красная Шапочка снова превратилась въ дѣвочку.

Идетъ дальше лѣсомъ. Вдругъ на встрѣчу еще другой казакъ. Хотеть дѣвочку изнасиловать, только что ее облапиль.

А она какъ крикнетъ:

Тудырга —  
Превратудырга —  
Турдыгосочка  
Пусть я буду кошечка!

Надругался, натѣшилъ казакъ Кошечкой сколько силъ стало и говорить:

— Скажи спасибо, что живой оставляю.

Поѣхалъ казакъ своей дорогой, а Красная Шапочка превратилась въ дѣвочку и пошла дальше.

Вдругъ навстрѣчу казачій патруль. Хотеть ее изнасиловать. Схватили дѣвочку казаки. Только-только успѣла она крикнуть

Тудырга —  
Превратудырга  
Турдыгосочка, —  
Пусть я буду осочка!

Превратилась въ осу, ужалила казачьяго атамана въ самое больное мѣсто и полетѣла в городъ.

Стала Красная Шапочка подлетать къ самому городу, превратилась снова въ дѣвочку.

Только вошла в городъ, а городской увидалъ, что на ней красная шапочка, схватилъ ее обыскалъ всю до чиста, съѣлъ пирожки да лепешечки. И не успѣла дѣвочка Тудыргу крикнуть, какъ очутилась въ тюрьмѣ корпусъ второй, галерея третья, камера 380.

Пробовала было дѣвочка и въ козочку, и въ кошечку, и въ

осочку превращаться, ничего не помогаетъ. Окошко закрыто — никуда не дѣнешься.

Вдругъ слышитъ она подъ вечеръ, что кто-то въ стѣну стучитъ.

— Тукъ-тукъ-тукъ!.. Кто тутъ сидитъ?

Дѣвочка отвѣтила:

— Тукъ-тукъ-тукъ! Это я Красная Шапочка!.. А вы кто будете?

— Тукъ-тукъ-тукъ!.. Я твой крамольникъ отецъ.

Какъ услышала эти слова Красная Шапочка, очень обрадовалась. Значить это добренькая Тудырга нарочно такъ устроила, чтобы дочкѣ возлѣ отца камеру отвели.

Всю то ночь дѣвочка съ папой простукала. Да и на слѣдующій день хватило.

Просидѣла Красная Шапочка въ тюрьмѣ четыре мѣсяца. Повезли ее въ жандармскую на допросъ.

— Сознавайся! А если не сознаешься бить будемъ.

Испугалась дѣвочка чуть-чуть не забыла шепнуть тудыргу превратудыргу. Однако спохватилась во время и превратилась въ Козочку.

Полковникъ жандармскій ее спрашиваетъ:

— Намъ достовѣрно извѣстно, что ты принадлежишь къ боевой организаціи.

А Козочка:

— Бе-е-е!.. Брекеке...

Осерчалъ полковникъ:

— Отодрать ее какъ Сидорову козу и убрать опять въ тюрьму.

Какъ не били Козочку, а она все:

— Бе-е-е!.. Брекеке...

Такъ ни въ чемъ и не созналась.

Отвели Красную Шапочку въ тюрьму, а она въ камерѣ опять въ дѣвочку превратилась.

Черезъ четыре мѣсяца повели ее опять въ жандармскую на допросъ.

Полковникъ говорить:

— Намъ достовѣрно извѣстно что ты несла въ кузовочкѣ бомбы. Сознавайся. Иначе мы тебя будемъ пытаться.

А дѣвочка про себя шепнула Тудыргу.

И превратилась въ Кошку. Какъ ни пытали Кошку, она все.

— Мяу-мяу-мяу...

Посадили Красную Шапочку опять въ тюрьму. Черезъ четыре мѣсяца повезли ее на допросъ въ третій разъ.

Полковникъ говорить:

— Мы достовѣрно знаемъ изъ какой ты деревни родомъ и сейчасъ пошлемъ приказъ арестовать твою бабушку, изготовительницу бомбъ. Сознавайся. А не то сейчасъ крикну Казаковъ и уошцу ихъ тобою...

Превратилась дѣвочка въ Осу, ужалила полковника въ самый носъ, вылетѣла въ трубу, сбросила съ себя красную шапочку, чтобы ее сыщики не узнали и пошла мимо губернаторскаго дома.

Увидалъ губернаторъ ее въ окошко. Захотѣлось ему ее высѣчь. Велѣлъ схватить.

Потащили палачи ее въ застѣнокъ. А она превратилась въ Козу. Сбѣгутъ палачи Козу, а она:

— Бе-е-е... брекеке...

Отсѣклась дѣвочка, идетъ какъ ни въ чемъ не бывало идетъ по улицѣ. Ни одного на тѣлѣ знака препинанія не замѣтно. Увидалъ ее губернаторъ изъ другого окна. Захотѣлось ему дѣвочку повѣсить.

Потащили ее къ висѣлицѣ. А она оборотилась Кошечкой. Повѣсили ее палачи. Цѣлый часъ она въ петлѣ провисѣла. Мертвой превратилась.



Понадобилась палачам веревка других вѣшать, Они сняли кошку и бросили ее подъ заборъ.

А Красная Шапочка опять сбѣгалась дѣвочкой. Увидаль ее губернаторъ въ третій разъ. Осерчалъ сильно.

— Разстрѣлять ее!

Позвали три полка самихъ цѣлкихъ солдатъ. А дѣвочка превратилась въ Осу. Такъ всѣ и промахнулись.

Полетѣла Оса въ родную деревню. Лѣтѣла-летѣла,—въ лѣсъ прилетѣла.

Видитъ казака, который ей въ первый разъ въ этомъ лѣсу повстрѣчался.

Съ повышеніемъ.

И второго казака, встрѣтила. Тоже съ повышеніемъ.

И третяго, Съ орденомъ.

Вылетѣла она изъ лѣса. Вотъ и родное поле. Снова превратилась въ дѣвочку. Идетъ себѣ веселая.

А вотъ ужъ вдалькѣ и родная деревушка. Смотритъ—дымъ отъ нея идетъ. Забилось у Красной Шапочки сердечко.

Пустилась она бѣжать. Добѣжала до деревушки, а тамъ—каратели.

Бросилась она къ бабушкѣ, а та ужъ не дышетъ. Всю ее каратели раскарали.

Всплеснула Красная Шапочка руками, зарыдала и того не замѣтила какъ трое карателей ее самую схватили и одинъ за другимъ начали ее карать...

Вотъ, дѣтки, лучше сознавайтесь сразу. А не то никакія Тудырги-Превратудырги васъ отъ гнѣва правосудія не спасутъ.

Кабы Красная Шапочка сразу во всемъ призналась сидѣла бы она до сихъ поръ преблагополучно въ тюрьмѣ и можетъ быть къ совершеннолѣтію своему до какой-нибудь амнистіи и досидѣлась бы.

И потомъ за Тудыргина внука замужъ вышла. И стали бы они жить поживать да дѣтей называть.

Н. ШЕВУЕВЪ.

### УПАДОКЪ РУССКОЙ ОПЕРЫ.

Русское музыкальное творчество въ области опернаго жанра, проявившееся съ такой необыкновенной силой въ срединѣ XIX столѣтія, постепенно заглохло.

Причина кроется въ ненормальности тѣхъ условий, въ которыя поставлены русскіе композиторы.

Со времени Глинки казенныя оперныя сцены дали возможность увидѣть свѣтъ рампы цѣлому ряду русскихъ оперъ.

Попадались между ними и слабыя вещи въ видѣ «Грозы» Кашперова и другихъ. За то мы почти въ два десятилѣтія приобрѣли «Князя Игоря» Бородина, «Хованщину» и «Бориса Годунова» Мусоргскаго, «Вильяма Ратклифа», «Анджело» Кюи и «Снѣгурочку» Римскаго Корсакова. Съ тѣхъ поръ много воды утекло... И наши казенныя оперныя театры перемѣнили фронтъ.

Общественное движеніе шестидесятихъ годовъ замирало и вмѣстѣ съ этимъ воцарилась рутинная и затхлость въ дирекціи.

Новымъ произведеніямъ русскихъ композиторовъ не удѣлялось мѣста. Всѣ старанія ихъ увѣнчивались отказомъ. Да и вообще можетъ ли теперь безъ протекціи попасть на казенную сцену талантливое произведеніе молодого рускаго автора?

Есть ли такіе наивные люди, вѣрающіе въ это?

Смѣшно объ этомъ, пожалуй, и говорить челоуку, вращающемуся въ музыкальной средѣ.

Когда въ казенный театръ закрылся доступъ, очередь перешла къ частнымъ сценамъ.

На нихъ впервые появились «Пеквиотьянка», «Садко», «Царь Салтанъ» Римскаго Корсакова.

Начиная съ «Царской невѣсты» славный композиторъ снова попадаетъ на казенную сцену.

Quod Licet Iovi, non licet Bovi и молодые композиторы по прежнему не имѣли себѣ мѣста.

Въ послѣднее время и частныя антрепризы перестали знакомить съ русскими новинками.

Виною всему слишкомъ коммерческая постановка дѣла.

Для такихъ антрепризъ, какъ Церетелли, на первомъ планѣ сборъ. Какъ можно больше: путемъ ли гастролеровъ или постановкой запѣтыхъ и заѣзженныхъ оперъ.

Для нихъ держать антрепризу все равно, что открыть магазинъ или лавку, чѣмъ бы она не торговала, лишь бы была прибыль.

Посмотрите, что наобѣщаль Церетелли. И ничего не исполнилъ!

Отчего не объявить анонсъ и ничего не исполнить—риска никакого!

Частныя музыкальныя общества, какъ напримѣръ «Общество музыкальныхъ соб-

раній», ставившее раньше «Хованщину», «Бориса Годунова», отказалось уже давно отъ этой цѣли.

Филантропическое общество, будучи въ состояніи давать большія ораторіи, тоже бездѣйствуетъ.

Есть теперь Народный домъ, но онъ по своему назначенію популяризируетъ оперы уже общеизвѣстныя или ставитъ новыя въ видѣ «Царя Плотника» Лорцинга, руководясь въ данномъ случаѣ главнымъ образомъ выборомъ сюжета. Петербургъ совсѣмъ не видѣлъ на сценѣ ни двухъ одноактныхъ оперъ Рахманинова: «Скупой рыцарь» и «Франческа», ни «Добрыню Никитыча» Гречанинова, ни «12 годъ» Калинникова, ни «Въ грозу» Ребикова. А сколько есть еще другихъ,—ну хотя бы оперы Аренскаго. Казалось бы кому, какъ не намъ русскимъ поставить ихъ у себя.

Молодые авторы или совсѣмъ не пишутъ теперь оперъ или пишутъ одноактныя, безсчитывая на большую вѣроятность постановки.

Въ оперѣ важнѣе, чѣмъ въ симфонической музыкѣ, автору слышать свою вещь, чтобы сумѣть вполне овладѣть этимъ жанромъ.

Здѣсь соприкасаются всѣ искусства. Бываетъ прекрасная музыка, но сама опера мало сценична и наоборотъ; или техническія трудности постановки, дѣлаютъ ее недоступной для исполненія.

Опернаго меценатства у насъ не существуетъ.

Нѣкоторымъ суррогатомъ оперы явля-

ется теперь балетъ, гдѣ молодымъ авторамъ много легче добиться желаемого. Начиная съ Глазунова, у насъ начали писать балеты серьезные композиторы. Казенная сцена благоприятствуетъ этому, заказывая имъ музыку.

Постепенное развитіе нашего музыкальнаго искусства, стремящагося къ высшимъ формамъ, рождаетъ симфонію.

Это обстоятельство въ связи съ неблагоприятными условиями для опернаго существованія заставляетъ молодыхъ авторовъ отдаваться болѣе симфонической музыкѣ, чѣмъ оперѣ. Концерты, основанные Бѣляевымъ, оказываютъ въ этомъ отношеніи значительную поддержку.

Теперь при разрастающемся общественномъ движеніи, когда къ культурѣ приобщаются широкіе слои населенія, влеченіе къ оперѣ, какъ болѣе доступное пониманію массъ, быстро растетъ.

Старые сюжеты отживаютъ и не затрагиваютъ. Примѣръ—«Жизнь за Царя», не смотря на свою живую музыку.

Необходимо широкое развитіе оперы, наиболее излюбленнаго жанра прежними русскими композиторами.

Молодая Россія должна дать новыя сюжеты и новую музыку! За оперной музыкой, пожалуй, скорѣе будетъ и новое слово.

В. СЕНИЛОВЪ.



СИМФОНІЯ.



ВЕЧЕРЬ ИСПОРЧЕННЫХ ВЕЩЕЙ.

Я говорю о концертѣ русскихъ молодыхъ композиторовъ 18-го февраля. Рѣльную пытку представлялъ онъ изъ себя.

Вѣдь, для автора, будь онъ драматургъ, поэтъ, художникъ или музыкантъ, нѣтъ большаго мученія, чѣмъ видѣть свое твореніе въ плохой репродукціи.

Репродукторы талантливыхъ вещей молодыхъ композиторовъ оказались совсѣмъ не на высотѣ своего призванія. Больше всего былъ испорченъ прекрасный квартетъ В. Сенилова. Надъ его погубило трудили А. В. Иванова-Ясенювская, А. А. Ленский и двѣ вокальныхъ «силы», предупредительно скрывшихся подъ инициалами.

На совѣсти г-жи Ивановой-Ясенювской лежитъ и знакомый читателямъ «Газеты Шебуева» романъ В. Сенилова «Сирень»,—такой задушевный, сотканый изъ лучей заходящаго солнца и аромата сирени, и романъ А. Чеснокова.

Особенно много грѣха взялъ на душу Ф. В. Леженъ, пьянствѣ каботажнаго плаванья.

Онъ безукосно передалъ 4 названныхъ пьески покойнаго И. Покровскаго, обезцвѣтили «Цвѣты» М. Чернова (—два номера этой еяиты были помѣщены въ

моей газетѣ) и безукосно провѣлъ вкусную пьеску А. Тарутина.

Чутьочку повнимательнѣе и потолковѣе вздзся за прелюдию А. Чеснокова пьаньистъ А. Г. Лемба.

Изъ пѣвцовъ лучше другихъ Н. М. Барышевъ, романсами А. Тарутина заинтересовавший аудиторию.

За то такихъ исполнительницъ, какъ Ф. М. Дразнина и О. А. Лапина и я врагу лотому не пожелаю.

Вообще, не смотря на отвратительное исполненіе г. Черновъ, Тарутинъ, Сениловъ и Петровъ-Боариновъ—ученики Н. А. Римскаго-Корсакова—мнѣ лично понравились.

Публика тоже настойчиво вызывала ихъ. А выходили исполнители и кланялись. — Н. ШЕБУЕВЪ.

Вышелъ изъ печати и поступилъ въ продажу «Первый сборникъ революціонныхъ пѣснъ», гармонизованныхъ А. Ф. Ч. въ изданіи «Вѣщаго Баяна». Послѣ отдѣльныхъ изданій каждой пѣсни, часто неудачно гармонизованной, подобный сборникъ обращаетъ на себя серьезное вниманіе. Заслуживаетъ похвалы легкомысленно сдѣланнаго фортепьяннаго преложенія, доступнаго каждому играющему на этомъ инструментѣ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

I.

Милостивый Государь, Николай Георгиевичъ, ради Бога, простите меня за безпокойство Васъ.

Повѣрьте мнѣ: семья наша и я въ отчаяніи и только еще послѣдняя просьба къ Вамъ, и эта просьба, быть-можетъ, удовлетворитъ насъ нравственно.

Я было у Васъ вчера,—къ сожалѣнію не засталъ Васъ дома. Причъ домой, я пишу эти строки; быть-можетъ они не проникнутъ ли до Васъ.

Я желалъ бы отъ всей души рассказать Вамъ о семейномъ и моемъ отчаяніи въ поискахъ за правдой.

Въ краткой формѣ я скажу мою просьбу.

«Въ городѣ Устюжнѣ, Новгор. губ. «назначено къ слушанію дѣло въ окружномъ судѣ, дѣло объ убійствѣ моего брата, Дмитрія Романишниковъ и виновные въ этомъ убійствѣ вызваны свидѣтелями, а не виновниками. «Дѣло будетъ слушаться 28 февраля «сего года».

За что убить и какъ велось дознаніе—это грязная и невыносимая до боли души исторія.

Наша семья дружила съ учителями и учителями нашими мѣстныхъ сельскихъ школъ и братьей моихъ любили эти люди.

Когда же вышелъ манифестъ 17 октября, то они первая съ учительницею на сходѣ всѣхъ мужиковъ въ деревнѣ объяснили его значеніе.

У мужиковъ сейчасъ вышелъ такой выводъ изъ него:

«Братьцы чего намъ теперь бояться, давайте не дадимте нашему деревенскому кулаку Кантонистову засаривать нашу пахотную землю около рѣки строительными материалами; а то пускай онъ

«плотить деньги по стоимости за десятину».

Тогда братъ мой сказалъ: «Это правильно, ребята такъ и нужно оно».

Услыша эти разговоры кулакъ Кантонистовъ шикомъ рассердился и пригрозилъ... ужотко васъ!.. Дѣйствительно оклеветанная въ реакціонное время учительница угодила въ тюрьму.

Братъ мой собралъ сходъ и написали приговоръ въ ея оправданіе—такъ и вытащили ея изъ тюрьмы. Но братъ мой получилъ угрозу похуже тюрьмы.

Дѣло совершилось: 26 июня 1906 года Григорій Кантонистовъ ласково и любезно вызвалъ брата съѣздить въ одно село, гдѣ заранѣе было подготовлено все...

И брата не стало! Осталась жена и трое малолѣтнихъ дѣтей.

Мужики ближнихъ селъ всѣ проважали гробъ и плакали. Что дѣлать, противъ денегъ не пройти!

Боже правый! почему это такъ! виновные не привлекаются? почему?!?

Вахтеръ при учебномъ кабинетѣ и библиотекѣ кадетскаго корпуса Императора Александра II.

Иванъ Романишниковъ,

Итальянская 12.



ЧЕЛОВѢЧЕСКІЕ ДОКУМЕНТЫ.

Открытое письмо М. А. Любарской - Письменной къ В. Д. Бѣлову.

Глубокоуважаемый и дорогой,

Василій Дмитріевичъ! Власть Мамонъ. «И изъ дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какою имѣютъ змѣи скорпионы. У ней были хвосты, а въ хвостахъ ея были тѣла; власть же ея была вредить людямъ».

Откровене Св. Іоанна. Прочла и я Ваше открытое письмо въ газетѣ Шебуева. И сдается мнѣ, къ великому прискорбію, что наше дѣйствіе разногласіе на почвѣ оцѣнки личности и государственной дѣятельности графа Витте не прошло безслѣдно. Вы, повидимому, перестали меня понимать. Болѣе того. Клеветайте на меня, придавая моимъ поступкамъ окраску личнаго характера, въ данномъ случаѣ, совершенно имъ чуждую, ибо, какъ это и Вамъ извѣстно, я привыкла рѣзко разграничивать въ своей оцѣнкѣ—государственную дѣятельность людей отъ ихъ поступковъ въ отдѣльныхъ, частныхъ случаяхъ. Такъ относилась я всегда и къ главнымъ виновникамъ нашего несчастія. Благоволите это припомнить.

Бросая мнѣ упрекъ въ «некорректности» за появленіе Вашего письма, «безъ Вашего вѣдома» на столбцахъ газеты, Вы, очевидно, забываете, что я исповѣдую не только на словахъ, а на дѣлѣ принципъ: *audiat ut altera pars*, доказательствомъ чему, между прочимъ, служитъ и наша съ вами дружба; принципъ обязавшій меня познать читателя и съ тѣми доводами, несомнѣнно говорящими въ пользу графа Витте, которыми въ свое время удалось Вамъ убедить меня не оглашать до созыва первой Гос. Думы моего письма въ иностранной прессѣ.

Согласитесь, что въ интересахъ справедливости должна же я была противопоставить моимъ обвиненіямъ—Вашу горячую защиту. Что я и сдѣлала, не

находя основной прелварительной испрашивать на то Вашего благосклоннаго разрѣшенія. За это отступленіе неумышленное, прошу не гнѣваться, простить.

Далѣе, въ своемъ письмѣ Вы не останавливаетесь передъ тѣмъ, чтобы объяснить оглашеніе моихъ писемъ въ настоящий моментъ—желаніемъ моимъ «расправиться» съ графомъ Витте не только какъ съ общественнымъ и государственнымъ дѣятеlemъ, но и какъ съ человекомъ, надѣланнымъ мнѣ много зла.

За чѣмъ говорите Вы это?—Съ дѣлю меня уязвить?—притомъ зная, что личные счеты мои съ графомъ Витте давно отошли на задній планъ—стужевались, забыты передъ страшной угрозой увидѣть вновь у власти этого человѣка, сознательно причинившаго столько зла, столько страданій Россіи.

Нѣтъ, не личная месть, а только страхъ, страхъ за смерть лучшихъ нашихъ надеждъ, упований всей жизни, безысходное отчаяніе за тотъ краткій вѣкъ, который остается провратить намъ на Русской Землѣ—грѣшнымъ людямъ, побудилъ меня именно теперь напечатать эти письма.

Если хотите, то въ этомъ отчасти виноваты и вы, упрямо, настойчиво всегда твердившій въ отвѣтъ на всѣ обоснованныя обвиненія наши противъ графа Витте: «Чтобы Вы тамъ не говорили, не дѣляли, какъ бы не ругали Витте, а онъ все таки будетъ у власти. Намъ безъ него не обойтись». Оглянитесь кругомъ. Гдѣ-же Вы найдете другое лицо, способное вывести Россію изъ тупика на жизненный просторъ? И только одинъ Витте при своей изворотливости можетъ спѣться съ нашей Думой. Когда человекъ опасно боленъ, онъ принимаетъ ядъ? Россія тяжко больна. Гдѣ ужъ тутъ критиковать, переоцѣнивать нравственныя качества человѣка, когда надо спасать Россію. Берегите же то, что есть. У насъ нѣтъ другого такого работника,

какъ Витте. И при Думѣ Витте пойметъ, что ему нельзя двоедушничать, вилать; товеръ онъ пойдетъ по прямой дорогѣ...»

Такъ говорили Вы, безпощадно испытываете мое терпѣніе...

Въ чемъ вы безусловно правы, такъ это въ томъ, что я никогда не раздѣляла, да и не могла раздѣлять моего личнаго горя отъ горя общественнаго, такъ какъ дѣйствительно оно составляло одно общее горе Россіи, воочію свѣдѣтельству о полномъ упадкѣ правосудія въ странѣ въ моментъ, когда, среди общаго беззаконія и произвола, суду должно было быть отведено особенно важное мѣсто—охранителя гражданскихъ интересовъ населенія, восстановителя нарушенной правды, воспитателя народа въ духѣ права и законности.

Уже тогда, вмѣстѣ съ нами, Россія изнывала отъ неправосуднаго, мстительнаго суда, раболобно подчинявшагося министерскому циркулярамъ, приказамъ «свыше» и отъ судебной волокиты. Неправда въ судахъ постепенно подрывала въ населеніи и послѣднее его довѣріе и уваженіе къ закону, праву, къ власти—даже къ той, на которой лежитъ священная обязанность защиты слабыхъ, униженныхъ оскорбленныхъ. «Пока судебныя чрежденія твердо и нелицеприятно исполняютъ свой долгъ, жить еще можно, зло еще поправимо,»—говоритъ народная мудрость. Но на Руси рушилась и эта послѣдняя опора спокойствія, порядка. Недовольство судомъ является одной изъ главныхъ причинъ настоящаго революціоннаго настроенія.

Смѣю думать, что объ этомъ никто не будетъ спорить со мной.

Но я никогда не «громила», какъ выражаетесь Вы въ своемъ письмѣ, главныхъ виновниковъ нашего горя. «Громить»—значитъ бездоказательно позорить, поносить.

Нѣтъ, я только имѣла мужество называть дѣянія этихъ российскихъ сановниковъ ихъ настоящими именами въ то время еще, когда страна въ рабскомъ оцѣбненіи отъ долгодѣтнаго бюрократическаго гнета, продолжала все также молчаливо и покорно подчиняться необузданному своеволію и произволу командующихъ классовъ, усиливающимся съ каждымъ годомъ. Для меня было ясно, что подобное напряженное и невыносимое положеніе вещей долго продолжаться не можетъ.

Всѣ препроводительныя письма мои къ стенографическимъ отчетамъ, изданнымъ по банковымъ процессамъ—Харьковскому

и Екатеринославскому, всѣ копии съ моихъ писемъ и телеграммъ на имя нашихъ министровъ, разсылаемая мною въ сотняхъ экземпляровъ по всей Россіи, наконецъ, обращеніе моего покойнаго мужа къ Харьковскому дворянству—спрятанное подъ сукно по волѣ мѣстной администраціи,—служатъ неопровержимыми доказательствами тому, что я дѣйствительно никогда «не громила» высшихъ жрецовъ беззудія и беззавія, заполонившихъ всю Русскую Землю, а только стремилась своевременно, съ фактами въ рукахъ, предостеречь русское дворянство и общество отъ страшнаго грозы, по справедливости признавая свое дѣло, не только дѣломъ общественнымъ, но и первостепенной государственной важности.

Но тщетно будила я тогда общественное самосознаніе, говоря: «Господа!—нельзя-же забывать, что правосудіе главный регуляторъ государственной жизни. Оглянитесь и поймите, что сегодня мы плаки жертвой беззавія и беззудія, а завтра та-же участь постигнетъ и Васъ!»—письма мои въ то время признавались чуждыми не зловредными прокламаціями; общественные дѣятели, предводители дворянства, получившіе ихъ, какъ передавали мнѣ, показывали или читали ихъ изъ подъ полы... И надъ Россіей грянула гроза!—По чей же милости нами пережиты—государственная и Дальню Восточная Цусимы?—Кто создалъ настоящій *gachis russe*?—

Тутъ ставлю точку и спѣшу выразить полную мою готовность—разъ, что угодно Вамъ, продолжать на столбцахъ газеты, а не у меня въ гостиницѣ, нашъ прерванный разговоръ о графѣ Витте. Согласно, хотя меня Вы захватили въ располыхъ—безъ данныхъ и тѣхъ официальныхъ документовъ, которыя имѣются у меня въ Харьковѣ по разнымъ отраслямъ государственной дѣятельности графа Витте. Всего въ памяти вѣдь не удержишь. Ну, что дѣлать! *Toute lettre demande une réponse, comme toute offense demande un coup d'épée*. Вспользуясь матеріаломъ находящимся у меня подъ рукой.

Мою бесѣду съ Вами я поведу въ порядкѣ постепенности, какъ слѣдовало—одно за другимъ—мѣрорпріятія и государственныя заслуги графа Витте, за которыя, по мнѣнію Вашему, Россія, какъ-никъ-какъ, обязана кланяться и благодарить Сергію Юльевича.

Значитъ приходится начать съ злотовъ валутой и промышленности—вопро-



АСОЦИОЛОГИЯ.

Не утверждено еще прочного положения в науке за социологией, как держат говорить уже об асоциологии.

Многим идея асоциологии может казаться странной. Правда, могут сказать они: с тех пор как существует общество в нем наблюдалась наличность антиобщественных элементов.

Но исследование этого явления неразрывно связано с исследованием общества и поэтому асоциология, как таковая, не может существовать отдельно.

Она может входить только в социологию.

Такого рода взгляд объясняется недостаточным пониманием антиобщественных элементов. Приверженцы социологии находят, что эти элементы в различных эпохи общественной жизни, были различными, что они постоянно на протяжении веков видоизменялись соотвѣтственно тѣм или другим формам общественной жизни.

Короче они находят, что антиобщественных элементов, как таковых не существует.

Существуют только новаторы общественной жизни, которые пережив современную им формы общественной жизни предвосхитив новые формы, не могут оставаться в первых и выходить за грань их.

Таким образом — не углубляясь во влугие времена — асоциальным элементом во новейшее время были первые

французские республиканцы, послѣдующие затѣм революционеры.

Даже Маркс и его единомышленники в свое время относились къ этому элементу.

История нѣмецкой интеллигенции подтверждает это, рассказывая об образѣ жизни группировавшагося вокруг Маркса кружка.

Асоциальнымъ элементомъ являются также русские эмигранты въ Парижѣ, Лондонѣ, Швейцаріи.

Но всѣ они асоциальны съ точки зрѣнія того общества — врагами которыхъ они выступаютъ.

Асоциальность ихъ слѣдовательно только кажущаяся временная, скоро переходящему. Наука асоциология, которой я предсказываю несомнѣнный пышный расцвѣтъ въ ближайшее время — не эти элементы будетъ имѣть въ виду.

Она, главнымъ образомъ займется исследованиемъ того асоциального элемента, сущность котораго во всѣ времена была одной и той же.

Этимъ элементомъ — является богема. Определѣние этого элемента словомъ богема имѣетъ своимъ источникомъ новейшее время.

Заслуга этого опредѣленія принадлежитъ французскому романисту Мюрге — давшего намъ различныя образы асоциальнаго элемента нашего времени.

Но то, что мы понимаемъ подъ словомъ богема — существовало слѣдственно. Что такое богема?

Это во большинствѣ случаевъ группы литераторовъ, художниковъ, артистовъ — людей рѣзкой индивидуальности — несообразныхъ ужиться съ застывшими формами, понятными современному имъ обществу.

Богема ярко расцвѣтаетъ только въ



Дума первая — остроконная,  
А вторая — остороконная...  
Конфетка моя, леденистая,  
Полубила Милюкова румянистаго...

Дума первая — съ Аникинымъ...  
Подождемъ, что въ этой выкинемъ...  
Конфетка моя, леденистая,  
Полубила Милюкова румянистаго.

совъ не подлежащихъ моей компетенціи, но которые всегда меня глубоко интересовали, въ которыхъ старалась разобраться, сознавая что съ ними неразрывно связано не только личное благополучіе каждаго изъ насъ но и благосостояніе всего государства.

Вы говорите, что золотая валюта извѣстила насъ отъ подданства Берлинской биржи, отъ раззорительной игры на курсъ нашего рубля; что благодаря графу Витте страна покрывалась фабриками и заводами, по нѣкоторымъ отраслямъ промышленности, пожалуй, больше чѣмъ слѣдуетъ и что покровительственной ввозной пошлиной, поддержанной Витте, достигнуть теперь вывозъ нашихъ металловъ, сильно упавшихъ въ цѣнѣ. Это Вы ставите на кредитъ графу Витте? —

Я не могу спорить съ Вами по такимъ сложнымъ, финансово-промышленнымъ вопросамъ, а вотъ Вамъ мнѣнѣ нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ, которые къ тому же подводятъ итоги во что обойдется Россіи: золотая валюта и «огромная» промышленность, искусственно созданная графомъ Витте. Это будетъ дѣлать графа Витте. Только мнѣ придется начать издалека. Не надобѣсть бы намъ съ Вами читалого.

Прежде всего напомину Вамъ о финансовой запискѣ бывшаго французскаго министра финансовъ г. Меллина (въ свое время надѣлавша много шума, и которую, вѣроятно, читали и Вы), энергично ратовавшаго противъ реформы нашей денежной системы, доказывая:

1) что Россія чисто земледѣльческая страна и что хлѣбъ составляетъ главный предметъ ея вывоза; при золотой же валютѣ русское земледѣліе непременно задохнется въ безысходномъ безденежьи;

2) что при нашей громадной задолженности и сравнительно слабымъ экспортомъ — золото будетъ систематично уплывать отъ насъ за границу, слѣдовательно, придется прибѣгать все къ новымъ займамъ въ Россіи, такимъ образомъ, обречена будетъ золотой валютой на «хроническое» раззореніе.

Нашлись и у насъ люди, желавшіе своевременно предупредить Витте отъ «золотой авантюры». Одинъ изъ нихъ, г. Бутин, котораго Вы знаете, вслѣдъ за появленіемъ въ «Новомъ Времени» (16 марта 1895 г.) статьи «Золото или серебро» за подписью литеры «В.», подаль С. Ю. докладную записку, въ которой ариаретическимъ подсчетомъ до-

казалъ, что въ Россіи золотая валюта понизитъ разомъ цѣну хлѣба на 36% вѣ.

Прочитавши эту записку, Витте принялъ ея автора, которому сказалъ: «Ваши цифры — неопровержимы, но Вы защищаете интересы небольшой группы лицъ.

На замѣчаніе, что эта «небольшая» группа лицъ, по собственному же подсчету С. Ю., составляетъ не болѣе, какъ 85% вѣ всего населенія, Витте отвѣтилъ: «Все равно. Цифры Ваши признаю неопровержимыми, но я не могу принять ихъ въ соображеніе». И денежная реформа проведена была графомъ Витте поимно Государственного Совѣта...

Въ интересахъ восторонняго и безпристрастнаго освѣщенія, затронутыхъ Вами вопросовъ, позволю привести почти in extenso передовую статью журнала «Гасло» — органа украинцевъ-соціалистовъ (май, 1902 г.) подъ заглавіемъ «Десять лѣтъ министерской дѣятельности Витте». Съ этой статьей, вѣроятно, мало кто у насъ знакомъ.

«Заикиваніе русскаго правительства передъ успѣвшей уже народиться и окрѣпнущей промышленной буржуазіей — говоритъ Левъ Кошутъ — особенно рѣзко выразилось за время управленія Витте министерствомъ финансовъ (1892—1902 гг.) Это былъ періодъ исключительныхъ и постоянныхъ голодовокъ русскаго крестьянства, по временамъ проявлявшихся съ особенною интенсивностью, какъ это было въ 1892, 1894, 1898 и 1899 гг., когда голодъ несъ съ собою въ цѣлыя округа повальныя болѣзни и смерть населенію.

«Но жизненные интересы крестьянъ, вымиравшихъ отъ голоднаго тифа, холеры, подавленныхъ непосильными податями, интересъ этой огромной 120-ти миллионной народной массы, настолько слабо реагировали на Витте, что онъ не только не принималъ никакихъ мѣръ для облегченія крестьянству податнаго гнета, но, напротивъ, подобно Шейлоку, выжидавшаго лишь удобнаго момента, чтобы выжать изъ своего должника послѣдній грошъ, — русскій министръ финансовъ въ родомъ циркуляровъ предписываетъ позиціи безъ пощамъ взыскивать съ крестьянъ подати, подгоняя эти взысканія ко времени денежныхъ получекъ, а когда у крестьянина и этихъ денегъ не доставало на уплату податей, тогда Витте предписывалъ снова-продавать движимость, послѣдній скотъ у крестьян... И тысячи крестьянъ бросили тогда свои надѣльныя земли, бѣжали въ города, на

фабрики. Раззоряя такимъ образомъ деревню, Витте оказывалъ услуги промышленной буржуазіи, создавая для нея изъ обездоленнаго крестьянства — новые кадры фабричныхъ рабочихъ. Въ то время, какъ раззоренное крестьянство превращается изъ малоземельныхъ въ безземельныхъ и въ батраковъ, на селѣ нарождается новый классъ зажиточныхъ владѣльцевъ — сельскихъ буржуа, которые постепенно скупаютъ сосѣдніе земельные участки. Но Витте не обращаетъ вниманія на распадъ русскаго крестьянства. Онъ поплоченъ одной мыслью — упрочить благосостояніе промышленной буржуазіи, притомъ жертвуя интересами промышленности окраинъ въ пользу центра — Москвы и сосѣднихъ съ нею губерній.

«Дабы убѣдиться насколько безразличны были для Витте интересы русскаго крестьянства, достаточно того факта, что во время таможенной войны съ Германіей въ 1894 года, ратуя за интересы промышленниковъ, онъ не остановился передъ тѣмъ, чтобы отнять у земледѣльцевъ рынокъ для вывоза хлѣба въ Германію и тутъ-же отпускаетъ колоссальныя суммы на постройку Сибирскаго пути, въ погоню за новыми рынками въ Азіи для русскихъ товаровъ, игнорируя что здѣсь — въ Европейской Россіи главной покупательной силой — является все-же русскій крестьянинъ, правда, раззоренный хроническими голодовками, обремененный непосильными податями, недоубадающій...

«Витте не борется и съ мѣрѣдомъ-ростовщикомъ, закабалившаго все сельское населеніе. Онъ не желаетъ помочь бѣдному населенію мелкимъ, дешевымъ кредитомъ, хотя ясно, что разъ что на селѣ нѣтъ кассы, которая сужала-бы крестьянина дешевой ссудой, онъ вынужденъ обращаться къ мѣрѣдомъ-ростовщику, который вымогаетъ съ него за занятія деньги уплату натурой (хлѣбомъ, конюлемъ и т. п.), также и отработкомъ. Представители русскаго либеральнаго общества возлагали великія упованія на уставъ Государственнаго Банка (1894 г.), который дѣйствительно долженъ былъ создать широкій дешевый кредитъ рабочему люду, но и этимъ надеждамъ не суждено было сбыться!

«Сберегательныя кассы не приносятъ пользы, а скорѣе вредятъ народу, вытягивая и послѣдніе гроши жалкой народной экономіи отъ продуктивнаго ихъ приложенія въ деревнѣ.

«Поддерживая интересъ все той-же промышленности, денежной единицею

объявляется русскій рубль, потерявшій третью своей стоимости. Кто-же выиграетъ отъ этой реформы С. Ю. Витте? — Для 120-миллионнаго крестьянскаго населенія золото является слишкомъ дорогимъ матеріаломъ. Благодаря этой реформѣ цѣны на товары увеличились, что, конечно, способствовало оживленію промышленности и торговли, вызвавшаго нашествіе иностранныхъ капиталовъ.

«Но скорѣй, искусственное оживленіе въ дѣлахъ сбѣнилось застоємъ, отъ перепроизводства. Въ 1899 — 1900 годахъ наступили небывалые банкротства среди самыхъ прочныхъ и богатыхъ предпріятій: въ Лодзѣ, Бѣлостокѣ, въ Иваново-Воскресенскѣ, Сормовскихъ и Тульскихъ заводахъ, въ Донецкомъ бассейнѣ, Киевскихъ сахаро-заводчиковъ. Закрылся рядъ крупныхъ фабрикъ и заводовъ, настала безработица, заработная плата упала на 20 — 30% вѣ. Во время наибольшаго упадка денежнаго рынка, Витте сильно сократилъ выдачу субсидій изъ Государственнаго Банка, чѣмъ значительно увеличилъ число обанкротившихся предпріятій. Витте боялся потерять накопленное золото. Однако, не смотря на его осторожность, золото уплываетъ изъ Россіи за границу и при первомъ серьезномъ экономическомъ или политическомъ конфликтѣ (большая война), мы снова вернемся къ прежнимъ денежнымъ знакамъ и къ серебряному рублю.

«Витте, какъ министръ финансовъ, занявъ боль разрѣшеніемъ и другой задачи: изысканіемъ средствъ къ увеличенію государственныхъ доходовъ въ виду чрезвычайнаго, за послѣдніе годы, возростанія государственныхъ расходовъ: съ 1 миллиарда рублей (въ 1892 году) до 2 миллиардовъ. Онъ прибѣгаетъ къ программамъ государственнаго социализма и члѣны отрасли народнаго хозяйства переходятъ въ государственную монополию. Увеличивается штатъ чиновниковъ, растутъ и государственные расходы...

«Въ 1893 году Витте ввелъ квартирный налогъ и постепенно всѣ косвенныя налоги на предметы первой необходимости (акцизы на сахаръ, керосинъ, табакъ, спички и спиртъ), которые всею своею тяжестью ложатся на бѣднѣйшія классы населенія.

«Вмѣсто прежняго «цѣльвальника», винная казенная монополия создаетъ два новыхъ типа: «закладчикъ», который выдаетъ деньги на покупку водки, подъ залогъ домашнихъ орудій и вещей и «кормчество», такъ что теперь пьянство

периоды напряженной ломки старого строя жизни.

Она в некотором роде играет роль повивальной бабки при рождении нового строя.

Ть другие, о которых я говорил выше также разрывают со старым строем.

Но они тотчас же цепко хватаются за призраки идущего на смену старому—нового строя.

Ть не просто разрушают.

Они пытаются и создавать.

Они играют роль социальных педагогов.

Богема же не знает определенных путей.

Богема—это ть лишние люди, ненужными скорбями и страданиями которых прокладывается путь к новой стии формь, новой цбли понятий.

И какь только эти формь и понятия выйдутся в жизнь—богема снова нарождается и своимь беззастенчивомь толкаеть человечество на более новые пути.

И такь ad infinitum.

Богема нельзя отождествлять сь провозвстниками определенного нового строя жизни.

Ни социалисты, ни даже анархисты, хотя последние все таки приближаются к ней—не представляют собой богема.

Задачей асоциологии будеть издывать появление богема во все периоды существования человеческого общества.

Асоциология вь связи сь установлениемь каузальности вь появлении и существовании ея—укажеть заслуги ея вь продолжении пути для безрерывного слдования человечества кь далекому свтлому грядущему.

Асоциология вь своихь изслдованияхь неминуемо должна будеть отвести огромное мсто поэтамь и худ.ж.икамь всехь вьремень.

Она должна будеть раскьать торе-нюю связь междуь внутре и не-богатой психикой великихь тво цовь и эемь отомь а чьльности, присущимь имь.

Какой и-исчерпаемый материль представяет вь этомь от ошени био рафи Гейне, Гофмана, д.ж. Гете вь периодь его его жизни вь Штра сбу,гь, не говоря о новьшихь поэтахь.

У нась русскихь тоже есть история богема.

Пушкинь, Полежаевь... и много другихь.

Комь потовь вь нашей истории общества ной мысли есть илия одного изь величайшихь bohemien'овь.

Это имя—Александра Герцена.

И затвь вь послднее время.

Разв вь наши новьшие, молодые п эты не представляють собой типичнйшей богема.

Это не случайность, что вь моменть нашей крайне напряженной общественно-политической борьбы у нась нарождается цбый рядь новьхь оригинальнхь поэтовь, писателей,—норождается яркая богема.

Выяснению сущности этой нашей богема я намьрень посвятить особую статью.

ОСКАРЬ НОРВЕЖСКИЙ.



изь шинка — вынесено на улицу. Комитеты Трезвости не осмиваются вступать вь борьбу сь пьянствомь.

«Вь чемь выразилась работа Витте обь улучшении положения рабочего класса? — Вь томь, что даже ничтожные результаты, достигнутые рабочимь вь 1892 году, утратили свое значение благодаря инструкциямь Витте, изменившимь этоть законь. Законь-же 2-го апрелья 1897 году, ограничивший рабочий день 11 1/2 часами, урбзанный дальнйшими разъяснениями Витте, указывает на рько реакционное его направление. Все остальное по прежнему; почему и не прекратились забастовки и послбь закона 1897 года, а становятся все более устойчивыми и переходят вь могучее рабочее движение подь знаменемь экономической и политической свободы.

«Что же сдблял Витте вь области народного образования? — Иногда говорить, что Россия обязана ему открытиемь ряда коммерческихь школь. Напрасно и вь этомь вопосбь Витте придають такое значение. На самомь дбл, буржуазия, сознавая значение и необходимость образования, сама, за свой счеть основываеть эти специальные школы, тогда какь Витте на ихь устройство и содержание ни гроша не раскодеть изь государственныхь суммь.

«Каковы-же конечные итоги десятилътней министерской деятельности Витте?—Началь онь свою деятельность во время страшного года (1892 г.), и теперь, черезь десять лът, возникаеть снова страшная мысль о возможности повторения не менье жестокой голодовки. Промышленный кризисъ 1892 повторяется вь 1900 году. Положение рабочего класса столь-же безотрадное: даже вь этомь году отсутствие заработка можеть достигнуть большихь размьровь, чьмь вь 1901 г. Слдовательно, вся деятельность Витте: проявилась вь увеличении прежнихь налоговь, вь введении казенной винной монополии, и вь систематическомь повторении народныхь голодовокь, которая всецбло можно отнести за счеть его финансовой политики.

«Витте, грабя народь непомерными налогами, во всеподданнйшихь докладахь кь государственной россипь, указывал на возрастающее яко-бы народное благососотояние, разь что могь уплатить такие налоги. Тштно доказывали русские ученые и публицисты на несовместимости интересовь казны сь народными интересами, какь дблал это Витте. Это возможно вь демократическомь государствбь,

гдь народь принимаеть участие вь составление бюджета, но не вь России, гдь бюрократия, во главбь сь Витте, ведеть себя какь варварь вь покоренной странбь, сбша заграбить все, что можеть и по скорбе удрать...

Слдовательно, одна цбл Витте была: за счеть народныхь силь увеличить возможно более средства казны, другая же — поддержать бюрократию и усилить положение промышленной буржуазии.

«Но ревниво оберегая благососотояние русской буржуазии, Витте встрътился сь препятствиемь: разоряя сельскую, мужицкую Русь, дабы помочь буржуазии, онь не замътил быстрого роста городской России сь ея могучими кадрами пролетариата. Промышленные кризисы создають невныносимое положение пролетариата, жестоко страдающему оть недостатка вь заработкбь: при такихь тягостныхь экономическихь условияхь русского пролетариата, легко можеть всплунуть возстание, тьмь более, что пролетариатъ ничьмь не рискуеть. (Замътьте, что это говорилось вь 1902 году!)

«А крестьянство? — Голодь можеть превратить вь сплоченную силу даже и такую разединенную массу, какь русское крестьянство. Крестьяне начинають уже колебаться и передь ними встаеть дилемма: или сидть сложа руки и умирать сь голода, или-же вь борьбь за свободу и хлбь—добыть себь права на человеческое существование.

«Причинуо всему этому является вакханалия буржуазии и Витте, тнущаяся уже десять лът...

Такова оцнка финансовой политики графа Витте органомь печати трудящихсяь классовь.

(Окончанье будеть).



У А Г 5 27 1906



КВАРТИРОЛОГИЯ.

Практическая и теоретическая указания, какь устроиться дешево, но мило.

Человеческое слищкомь человеческое...

Укладка флегматическая.

Теперь мнб остался только одинь послдний типь укладки—флегматический. По словамь Канта:

«Флегматикъ — человекъ со слабою эмоциональною возбудимостью и слабою наклоностью кь дйствению. Вь тьхь случаяхь, когда эта дйственная восприимчивость все же связана сь извстною способностью кь дйствию, флегматикъ спясаются трудно возбудимымь, но способнымь долгие: сохранять впечатлбния; онь сь трудомь можеть быть выведенъ изь равновссья».

Если вамь удастся изь своихь приятелей составить труппу трудоспособныхь флегматиковь, ваша укладка обезпечена.

Сначала вась быть можеть будеть раздражать постоянный refrain первого: — «Э-э-э... извольте видть... э-э-э».

Refrain второго: — Того... я вамь скажу... того...

И третьего: — Да... да... да... Такь-то...

Я не знаю, сь какой стати рьчь флегматиковь уснащаются почти всегда подобными выражениями. Быть можеть флегматикъ искренно убьжден, что эти слова идуть кь нему, какь провансаль кь рыббь, но по моему кь флегматикю, какь кь рыббь, более всего пошло бы молчанье.

Если у вась есть наборь изь дьятельныхь флегматиковь, вамь лучше всего отвести каждому изь нихь по комнатб, а на себя принять роль погонщика муловь.

Впрочемь, вамь не придется погонять. Вамь придется, наобороть, сдерживать. Постигнуть основные принципы укладки для флегматика будеть трудно, но разь онь ихь постигнеть, онь обнаружить гомерическое усердие.

Но за нимь нуженъ глазь и глазь. Иначе вы поразитесь, войдя вь уложенный флегматикомь кабинеть.

Вы увидите, что отведенные ему ящики и корзины заполнены папилютками.

— Отчего я не вижу ни одного крупного свертка? Развб не вы укладывали мои крупные вещи!

— Э-э-э... Я...

— Но гдб онъ?.. Гдб, напримьбр, пишущая машина?

— Э-э-э... воть...

— Позвольте, но это коллекция папилютокъ разныхь калибровь.

— Э-э-э... это машина...

Дьявольское подозренье ослбпляеть вась. Вы бросаетесь кь корзине, хватаете папилютку.

Кь ней—винтикъ.

Вь другой—гаечка.

Вь третьей—рычажокъ...

— Что вы надбляли!.. Вы разобрали машину по винтикамь!..

— Э-э-э... такь она... э-э-э... такь лучше... э-э-э... не расшатается...

— А часы?

Часы тоже превращены вь кучку папилютокъ.

Это быль каторжный трудь отвернуть каждое колесико и завернуть его вь бумагу... Но онь выполненъ добросовстнйшимь образомь.

Моя кабинетная лампа тоже превращена вь 43 папилютки!..

— Что вы надбляли!.. Какь мы теперь соберемь лампу, машину, часы...

Мы перепутаемь части!.. Мы растеряемь все... О, ужасъ! ужасъ! Придется звать монтеровь!.. Во что это обойдется!..

— Я думаль...

